

„ИНДОКИТАЙСОС“

Около четырех лет назад я прибыл в Сайгон, где меня ждал Андрей Виоллис.

Уже в течение двух месяцев она жила в Индокитае в качестве представителя газеты «Petit Parisien», сопровождавшая тогдашнего министра колониальной Поли Рейно. Но еще до ее отъезда мы условились, что встретимся в Сайгоне после тура министра, чтобы вместе совершить настоящую поездку по Индо-Китаю, а может быть заберемся еще дальше (действительно, мы приехали в Китай в момент японского нападения на Шанхай, а после были в Японии).

У меня с собой был киноаппарат. Нам хотелось привести из этой поездки более убедительные документы, чем журналистские зарисовки. К нашему счастью, аппарат затонул во время габела пакетбота «Корж Филиппар», и вся эта часть нашей работы пропала.

Андре Виоллис встречала парохом, на котором я приехал. В толпе, теснившейся на дебаркадере, я различил ее худенькое, вытянутое личико, на которое ужасный местный климат уже наносил свой отпечаток. Какой чудю показавшаяся она мне в тот день. Первые же ее слова восхитили меня своим предельным восторгом, своим мужеством и пылом. Она излагала мне свои планы.

— Мы уездем из Сайгона, как только вы осмотрите город, проедем на автомобиле до Ханоя. Будем останавливаться везде, — в городах и деревнях, будем спрашивать, фотографировать, осматривать все. Я уже успела убедиться в ужаснейшей нищете здешних жителей, но пужно собрать еще сведения, проникнуть в причины этой бедности, видеть все.

Видеть! — это слово часто повторялось во ее устах. Через несколько дней мы уехали. Ужасное путешествие. В течение всего нашего пути перед нами разворачивались картины такого страшного человеческого горя, что мы все время находились в состоянии нервного напряжения, усугубляемого еще изурядительным климатом, тяжелыми условиями нашей плохо подготовленной поездки, моральной и физической усталостью.

Повсюду, где мы проезжали, аппараты, таинственным образом предпрятанные кем-то, что мы найдем в один прекрасный день все правду об их несчастной жизни, прихлыдали к нам со всех сторон, рассказывая о своих горестях, и о тех репрессиях, которые их ожидают. Слова их слышались мне в сердце, в борьбе, в мучительном, которое может настать многих мужчин. Узнала, что в деревнях, не посещаемых французами назавтра, в непроходимых дорогах, население умирает от голода, она не стала долго раздумывать. Полязала повыше юбки, натянула сапоги и в сопровождении мальчишка-боя стала обходить жилища, утопая в грязи, в воде рисовых плантаций делая по 20—30 километров в день.

Аппараты были опломбированы. Они не могли понять — мужчина это или женщина. В своем треугольном чепчике католической сестры и в сапогах она казалась им чем-то вроде благодетельного грома или гения-пропророка.

Затем она отправилась в резиденцию викария, кричала там бушевала, требуя риса «для своих детей», как она говорила. И в ожидании откуп риса теперь уже прекратился. Итак, в путь на Ха Доан. Вокруг все тот же грустный пейзаж: долины, залитые жидкой грязью, затопленные рисовые плантации. По дороге жалкие базарчики, где просят о помощи в крупу. Торговцы, усевшиеся на корточках в кружок своим огромным кошачьим или собачьим щенкам, увеличивающим их костяные тела, напоминают смеявку гоббос.

Вот и католический центр. Мы зловещим в высшей степени колдовским образом открывали. Какая неопределимость! После всех опустошающих

деревень, увидели этот тщательно обработанный французский сад, с шпатами на кудрях, фруктовыми деревьями и большим анельновым деревом, покрытым великолепными золотыми плодами.

— Вот и сестра Пенниа. Это жилище толистика с открытым, еще свежим крестьянским лицом чисто французского типа. В уютах ее глаз, чистых, как родниковая вода, маленькие смешанные морщинки. При ходьбе она семенит ножками и вытаскивает, как шарик, все не часто поворачивая, по крайней мере французски, потому она вся расширяется, улыбается, и говорит, повторяя без умолку. Она живет в Индо-Китае вот уже тридцать лет и не имеет ни малейшего желания возвратиться во Францию.

— Она говорит о голоде: «в первый раз рис был роздан почти два года тому назад». Увидел грузинки, грузинским рисом, они рисовали на них, как сумасшедшие, влезали один на другого, давили, душили.

— Как вы думаете, выдержим ли мы до конца? — спросила она меня однажды вечером. — У меня больше нет сил! Но на другое утро она была готова раннее меня. — Здесь стыдно сознавать, что ты принадлежишь к белой расе, — сказала она в другой раз. Возвратившись во Францию, Андре Виоллис опубликовала часть своих заметок в журнале «Esprit». Мои очерки печатались в «Humanité».

— Подождите, — говорила Андре Виоллис, — может быть, теперь эти очерки кого-нибудь возмутят. Попытайтесь что-нибудь предпринять. Но из Индо-Китае приходило все более и более тревожные и возмущительные вести. Тогда Андре Виоллис решила назвать свои очерки отдельной книгой — вышедшей в издательстве «Moulin de la Roche» под названием «Индо-Китай SOS». Эти заметки, писанные ею лишь в день, дышат убежденной правдивостью. Они встали широкой отливкой у французской публики, но вызвали гнев правительств.

Я уверен, что советский читатель прочтет с большим интересом приводимый ниже отрывок.

Вин — город в Индо-Китае. Как она казалась им чем-то вроде благодетельного грома или гения-пропророка. Затем она отправилась в резиденцию викария, кричала там бушевала, требуя риса «для своих детей», как она говорила. И в ожидании откуп риса теперь уже прекратился. И так, в путь на Ха Доан. Вокруг все тот же грустный пейзаж: долины, залитые жидкой грязью, затопленные рисовые плантации. По дороге жалкие базарчики, где просят о помощи в крупу. Торговцы, усевшиеся на корточках в кружок своим огромным кошачьим или собачьим щенкам, увеличивающим их костяные тела, напоминают смеявку гоббос.

Рис. А. Каневского

Вин — город в Индо-Китае.

«Кирову» представляется нам серьезной попыткой осмыслить под влиянием факта трагической гибели тов. Кирова многие основные явления нашей действительности с точки зрения человека, которому пролетарская революция открыла путь к жизни. В этой попытке Алалдин уже более последовательно, более настойчиво вводит революцию в субстантивный мир лирического героя, как свое, кровное, без чего немиссия существование. Начало утверждения действительности в поэме окрашено в пафосные героические тона. Умело и непринужденно автор использовал прием контраста и противопоставления. Но нет, и напряженный голос сорвется в агитационный крик, нет-нет, и остринная политическая интонация огубит и прерываться в неулыбчивый угловатый дубок. И время от времени дает себя почувствовать павет чуть-чуть приторной сентиментальности, какой-то сумбурной инфантильности. Лишь, утверждаясь революционное пламя, жизни и действия Облики классовых врагов проявляются глубже и трагичнее. Внезапная разрываемость в мир больших народных движений, Алалдин опирается на потребность, сломать многие стороны своей матери песни. Естественная тяга к народно-педагогической обороте, к фольклорной образности. На этом пути она многого достигла. Но многое можно отметить и как неудачу. Не удалось установить ясное влияние на стиль поэмы в тех местах, где Алалдин влет по линии стихизации и утрирования соответствующих строк творческой манеры Алгекара. Профессора. Больше того, иногда некоторые места отдают прямым повторением приема Так строки:

Ничего он не боялся,
С поля битым не бежал.
На гудях его широкой
Орден Ленина лежал...
непоныто заставлял вспоминать
строки Прокофьева

Пять знамен системы Мопра
На гудях его лежат...

Примеч. во втором случае стиль компротического гротеска оправдывает такое сочетание, а в первом смысле образа вырывается изнутри несоответствующий его контексту.

В «Октябре» печатается маленькая поэма Алтузева «Жизни два отщипа» — чрезвычайно четкая и вносит много нового в разработку советской поэзии тематики гражданской войны, но для Алтузева это очень значительный шаг в творчестве. После длительного периода относительного неуряди и рыбов он в этой поэме будто бы возвращается к своей поэме, более плодотворной работы. В сопоставлении с материалами его книги «Она молодость» помещены многие старые стихотворения, значительные переделанные, оцифрованные от «шалых звучания», эта поэма показывает, что для ряда наших поэтов, утвердивших на каком-то этапе своей работы правильные ориентиры движения вперед, тема гражданской войны становится определяющей в развитии нового пути.

В «Октябре» же мы встречаем большой цикл стихов Безмятежского, отрываемый «Поэмой дня». В этой поэме Безмятежский ставит формулируя и актуальнейшие вопросы формирования новых чувств социалистическое человека с призывом его матери-областной — публицистичность и прямолинейность. Следующие за подобными «отрывками», как он тынит себя собой и колокол активизации и усилению «вневременных» элементов в творчестве Луговского.

В то, что в стихах Луговского возникает как приглушенный отклик его прошлого, у ряда поэтов (например, в стихах Бранд и «Новом мире» и ленинградских журналах и в некоторых молодых) превращается в самозабывающую тенденцию. Печать откровенности от опознательных явлений времени, уход в какую-то лирическую «эпопею» и склонность к глянцевому философствованию, в области поэмы — в личном сознании, господствующим во многих стихотворениях, напечатанных в 1935 г., а так как поток подобных стихов не иссякает, а наоборот, становится все более стремительным поветом приходится останавливать на них внимание, как на события неоглядимого и чреватого плохими последствиями.

Следует остановиться на произведении Гоголина, который рядом стихотворений и в частности в «особенности» стихах «Лазнь коммуниста Шувалов» показал, что оптимистические прогнозы критики, сделанные в основе книги «Новые приращения» по поводу нашего лирического функционализма и лирической гасильности Мануйла Гоголина все больше отпадают от плаха творческой возможности, даваемого собой чувствовать раньше, и придает стихам

большую внутреннюю цельность и сосредоточенность. Остаиваются на себе внимание напечатанные в журналах стихи Прокофьева. Как бы развивая наметившиеся еще в «Дороге через море» и ранних книгах тенденции бытового лиризма, Прокофьев в новых стихах создает органическое сочетание песенно-лирического начала («Полная» с тем, что было дано в последующих лирических циклах. Вид своеобразный напечатан в журналах «Утконос». В этих стихах удачи и неудачи переключаются, обнаруживая незыблемость наметившегося стиха («Песня») и «Дальневосточный поэт» цитирует в новый этап творчества и подчеркивая редкость до сих пор утрату возвращение тех поток предыдущего периода, от которых сам Уткин ушел, которые он сам осудил.

И наконец следует отметить появление в «Октябре» в «Молодой гвардии» а также в книге «Новые стихи» стихов А. Жарова. В этих стихах Жаров делает, пока еще неузаченные, попытки уйти от мертвящего шаблона прошлых лет, наглядно демонстрируя, что, что обмануть, привыкая к старому словосочетанию, переосмысливая поразительной объективности (философской лирике), дает еще более оптимистическую оценку и еще более подчеркивает свою верность в условиях общего, значительно повзрослевшего уровня стихотворной техники. Эти стихи почитаются не только для Жарова, но и для тех, кто не понимает, что всякое отставание чреватое сумятицей тяжелейшими последствиями, от которых можно только путем систематического и серьезного идеологического дозревания и гениальной удачливости формы.

За год и в московских, и в ленинградских изданиях появилось много новых имен. Означенно с этих печатных и стихов молодых, уже напечатанных литературной общественностью. Однако за исключением стихов Шенюва, Домогомогова, Панченко, Алгера, Державина, Сидорова, Стелюга и впервые напечатанных Семеновича и пожелал еще Кожуна в Ленинграде да Башмашникова в Москве все эти многоименный материал не задерживается в памяти в чем дело? Отсюда отстой? произведение так резко непропорционально их общему количеству?

Нам кажется, что обстоятельство, на которое было указано в статье «Об элементах поэтики», играют тут большую роль. К тому, что там сказано, можно прибавить еще очень

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В Италии до прихода к власти фашистской диктатуры печаталось 11000 названий книг. Теперь же, по последним официальным данным, — 5 835 названий.

Но дело не только в количестве, а и в качестве. В Советском союзе писатели связаны с массой, они пишут о новой жизни. Что же пишут фашистские писатели о своей стране? Политические романы, военные мемуары, пишут о местностях. Открывая итальянскую фашистскую книгу, вы видите живую безысходную, вылившуюся к самоубийству между буржуазия — для нее все темно, кругом ночь, и она не знает, куда ей деться.

Так происходит в романе «Индифферент» Альберто Моравиа, в романе «Три работы» Бенарда, в последнем книге Данцино «Секретная книга». Везде только отчаяние, pessimism, смерть в самоубийстве. Герои этих романов живут совершенно оторвано от живой жизни. В своих закрытых будничках они предаются тоске, унынию и различным извращениям. Моравиа рисует «любовь» протестующего высшего общества. И когда случайно в его романах появляются нормальные «простые и хорошие» люди, «высшее» общество надевается над ними.

Любопытно, что в этих романах всегда туманно, ложливо, сыро, сыро под лавровым венком Италии — страна солнца — всегда идет дождь. Вот писатель Джулио Джиро, написавший книгу, за которую он получил премию от итальянской газеты «Литературная Италия». В одной из его новелл рассказывается о том, как два старших брата заставляют в жизнь своего неопытного младшего брата. Для этого они не нашли ничего лучшего, как свести его в самый омерзительный публичный дом. И вот этот еще чистый душой юноша влюбляется в одну из проституток. Покая, куда попал, он кончает жизнь самоубийством.

В романе Бенарда герой уезжает на фронт. Вечер, Феодро сидит в пещере. Поезд переносит пыльных солдатиков, они — поют разудалые песни, свистозаветы, шумят. Он устал. Песни и шум мучают его, а без того угнетенный мозг. Он крепко прислоняется головой к спинке дивана, чтобы слышать подступающие к горлу рыдания.

Иногда на страницах, освещенной мальчишескими тусклыми электрическими лампами, неожиданно возвращается тишина. Жандармы с винтовками гуляют по перрону, где лет на одно человека. Виджидано Стропа получил в 1934 г. премию за свой роман «Veau de Mahattan». Надо сказать, что эту премию дали человеку, который должен был показывать в литературе образ нового человека, создающего «новую», фашистскую Италию. Герой Стропа обыкновенный студент, с обычным мешанистым мировоззрением. Кочука унаверует, он встает передо мной с большим американцем. Он кутит на его счет с женщинами в роскошных ресторанах. Посещает модные пляжи. Но американцу принадлежит эта праздная и пустая жизнь — он покладает Италию. Что же делает герой Стропа?

Он начинает работать на болотах простым рабочим неподалеку от Рима, в Литорини. И он говорит, что фашистский идеал человека будет осуществлен только тогда, когда будет царствовать сила в управляющая этой силой небольшая группа привилегированных лиц. Слова героя очень характерны. «Мне надоедает люди, я падаю на колени перед ними, я мечтаю о легкой смерти, которая отомстила бы за мои страдания, чтобы выкуривать меня густых лесов».

Иногда на страницах, освещенной мальчишескими тусклыми электрическими лампами, неожиданно возвращается тишина. Жандармы с винтовками гуляют по перрону, где лет на одно человека. Виджидано Стропа получил в 1934 г. премию за свой роман «Veau de Mahattan». Надо сказать, что эту премию дали человеку, который должен был показывать в литературе образ нового человека, создающего «новую», фашистскую Италию. Герой Стропа обыкновенный студент, с обычным мешанистым мировоззрением. Кочука унаверует, он встает передо мной с большим американцем. Он кутит на его счет с женщинами в роскошных ресторанах. Посещает модные пляжи. Но американцу принадлежит эта праздная и пустая жизнь — он покладает Италию. Что же делает герой Стропа?

И эти люди, думающие, как герой Стропа, вернее, как сам автор, имеют право говорить и писать о том, что коммунизм — казарма и конец человеческой индивидуальности.

А для того, чтобы итальянские читатели полюбили романы, первый фашистский конгресс итальянских писателей в Болонье требовал от правительства запрещения ввоза литературы из других стран. Ведь запрещен ввоз голландского сыра, британский и норвежский сыр и т.д.

Но так ли нам оценивать литературу такого рода? Сами фашисты в ней отыскивают бездуховность. «Наша социальная литература пахнет колом под влиянием сепитизма, pessimism, а интимизма» — заявил один из критиков в газете «Resto de Carlo». И сам Муссолини в своей речи, по случаю пятидесятилетия годовщины «Общества авторов», сказал: «Эти факты, что сегодня существуют итальянские писатели в возрасте от 25 до 40 лет и больше, среди которых встречаются достойные всемирного признания. Писатели и поэты, владеющие прекрасным стилем, формой и содержанием, бесспорно находило. Но если вы спросите любого человека, получившего среднее образование, фамилии этих новых авторов, вы не получите ответа».

И Муссолини, сказавший, что есть авторы, достойные всемирного признания, все же не говорит, кто-нибудь из них получил это признание. А что сказать о театре? Возьмем несколько пифр, принадлежащих господину Альфредо Альфаро, молчаливому соавещанию артистов фашистского направления, организовавших «Итальянскую академию». Сбор нескольких крупных театров Италии в 1924 г. составил 50 млн. лир, а в 1933 г. — эти же самые театры сделали сбор только в 23 млн. лир. В 1924 г. театры комедии и оперетты дали сбор в 95 млн. лир, в 1933 г. эти же театры — всего 43 млн. лир. Миланский театр «Скала», самый крупный, всемирно известный оперный театр, давал в 1927 г. сбора на 12 млн. лир, а в 1933 г. 3 млн. 700 лир.

Эти цифры свидетельствуют о кризисе итальянского театра. Небезынтересно также, что скрывается за цифрами господина Альфаро. Впервые, согласно пьесе, поставленным на итальянских театрах, принадлежит перу итальянских драматургов.

Итальянская пьеса	Иностранная пьеса	
1927 г.	4.778	5.139
1931 г.	2.850	4.065

Несмотря на кампания, ведущуюся из года в год против иностранных пьес, цифры 1931 г. по сравнению с цифрами 1927 г. значительно выросли. Излюбленный мотив всех пьес — фигура любовника.

Заведенный буржуазный треугольник: муж, жена, любовник. Кроме этого, идет много политических пьес. Интерес к советским писателям — М. Горькому, Серафимовичу, Маринетте Шаниной, Шоколову и другим — велик не только у нашего народа, но и среди профессора и трудящихся интеллигенции и других стран. Это объясняется тем, что они пишут на темы, важные по самой жизни. Они показывают ее строительство, полем и борьбу. И тем самым отвечают запросам и интересам широких читательских масс. Фашистские писатели заперты в своих кабинетах и выходящю творят в четырех стенах своего скучного воображения.

ДЖЕРМАНЕТТО.

ПОЭТЫ В 1935 ГОДУ

А. СУРКОВ

Кончается год. Сама собой возникает потребность обернуться назад, посмотреть, что сделано, что не сделано, что надо было сделать. Мысленно переищемся заново странички журналов, пробежим взглядом по газетным полосам, вспомним книги, помещенные в этот 1935 г. Сопоставив все это с тем, что произошло за год в стране, мы попытаемся наметить плюсы и минусы нашей работы.

Начнем с журналов. Журнал — первый свидетель творческого самочувствия литературной среды. Он, презирая появление книг, фиксирует процесс кровообращения в поэзии. Беглый просмотр имен дает основное установить, что почти все валичные, знакомые читателя имели та или иначе представлены на журнальных страницах. Появились и новые люди.

В «Новом мире» напечатана поэма Б. Корнилова «Моя Африка». Нервная, несущая на себе отпечаток торжественности в негодности, она все же оставила в нас самые памятные явления истинного поэтического современности — тему интернациональной солидарности трудящихся — Корнилов вводит в сознание читателя образ негра краскою поглаживаемым, образ о русских белогарбцами, вводит без экзотики, несмотря и вопреки эпитетическому «облачному» тону раскрасок о «го гоббос, без всякого кощунства, несмотря на то, что в центре поэмы стоит рефлектирующий интеллигент Докучин. Оттого читатель и принимает лирический исход из темы:

Нет места ни печали,
Ни бессилью,
Ни горести...
Как умер он в бою,
За сумрачную,
За свою Россию.

«Кирову» представляется нам серьезной попыткой осмыслить под влиянием факта трагической гибели тов. Кирова многие основные явления нашей действительности с точки зрения человека, которому пролетарская революция открыла путь к жизни. В этой попытке Алалдин уже более последовательно, более настойчиво вводит революцию в субстантивный мир лирического героя, как свое, кровное, без чего немиссия существование. Начало утверждения действительности в поэме окрашено в пафосные героические тона. Умело и непринужденно автор использовал прием контраста и противопоставления. Но нет, и напряженный голос сорвется в агитационный крик, нет-нет, и остринная политическая интонация огубит и прерываться в неулыбчивый угловатый дубок. И время от времени дает себя почувствовать павет чуть-чуть приторной сентиментальности, какой-то сумбурной инфантильности. Лишь, утверждаясь революционное пламя, жизни и действия Облики классовых врагов проявляются глубже и трагичнее. Внезапная разрываемость в мир больших народных движений, Алалдин опирается на потребность, сломать многие стороны своей матери песни. Естественная тяга к народно-педагогической обороте, к фольклорной образности. На этом пути она многого достигла. Но многое можно отметить и как неудачу. Не удалось установить ясное влияние на стиль поэмы в тех местах, где Алалдин влет по линии стихизации и утрирования соответствующих строк творческой манеры Алгекара. Профессора. Больше того, иногда некоторые места отдают прямым повторением приема Так строки:

Ничего он не боялся,
С поля битым не бежал.
На гудях его широкой
Орден Ленина лежал...
непоныто заставлял вспоминать
строки Прокофьева

«Кирову» представляется нам серьезной попыткой осмыслить под влиянием факта трагической гибели тов. Кирова многие основные явления нашей действительности с точки зрения человека, которому пролетарская революция открыла путь к жизни. В этой попытке Алалдин уже более последовательно, более настойчиво вводит революцию в субстантивный мир лирического героя, как свое, кровное, без чего немиссия существование. Начало утверждения действительности в поэме окрашено в пафосные героические тона. Умело и непринужденно автор использовал прием контраста и противопоставления. Но нет, и напряженный голос сорвется в агитационный крик, нет-нет, и остринная политическая интонация огубит и прерываться в неулыбчивый угловатый дубок. И время от времени дает себя почувствовать павет чуть-чуть приторной сентиментальности, какой-то сумбурной инфантильности. Лишь, утверждаясь революционное пламя, жизни и действия Облики классовых врагов проявляются глубже и трагичнее. Внезапная разрываемость в мир больших народных движений, Алалдин опирается на потребность, сломать многие стороны своей матери песни. Естественная тяга к народно-педагогической обороте, к фольклорной образности. На этом пути она многого достигла. Но многое можно отметить и как неудачу. Не удалось установить ясное влияние на стиль поэмы в тех местах, где Алалдин влет по линии стихизации и утрирования соответствующих строк творческой манеры Алгекара. Профессора. Больше того, иногда некоторые места отдают прямым повторением приема Так строки:

Ничего он не боялся,
С поля битым не бежал.
На гудях его широкой
Орден Ленина лежал...
непоныто заставлял вспоминать
строки Прокофьева

«Кирову» представляется нам серьезной попыткой осмыслить под влиянием факта трагической гибели тов. Кирова многие основные явления нашей действительности с точки зрения человека, которому пролетарская революция открыла путь к жизни. В этой попытке Алалдин уже более последовательно, более настойчиво вводит революцию в субстантивный мир лирического героя, как свое, кровное, без чего немиссия существование. Начало утверждения действительности в поэме окрашено в пафосные героические тона. Умело и непринужденно автор использовал прием контраста и противопоставления. Но нет, и напряженный голос сорвется в агитационный крик, нет-нет, и остринная политическая интонация огубит и прерываться в неулыбчивый угловатый дубок. И время от времени дает себя почувствовать павет чуть-чуть приторной сентиментальности, какой-то сумбурной инфантильности. Лишь, утверждаясь революционное пламя, жизни и действия Облики классовых врагов проявляются глубже и трагичнее. Внезапная разрываемость в мир больших народных движений, Алалдин опирается на потребность, сломать многие стороны своей матери песни. Естественная тяга к народно-педагогической обороте, к фольклорной образности. На этом пути она многого достигла. Но многое можно отметить и как неудачу. Не удалось установить ясное влияние на стиль поэмы в тех местах, где Алалдин влет по линии стихизации и утрирования соответствующих строк творческой манеры Алгекара. Профессора. Больше того, иногда некоторые места отдают прямым повторением приема Так строки:

Ничего он не боялся,
С поля битым не бежал.
На гудях его широкой
Орден Ленина лежал...
непоныто заставлял вспоминать
строки Прокофьева

«Кирову» представляется нам серьезной попыткой осмыслить под влиянием факта трагической гибели тов. Кирова многие основные явления нашей действительности с точки зрения человека, которому пролетарская революция открыла путь к жизни. В этой попытке Алалдин уже более последовательно, более настойчиво вводит революцию в субстантивный мир лирического героя, как свое, кровное, без чего немиссия существование. Начало утверждения действительности в поэме окрашено в пафосные героические тона. Умело и непринужденно автор использовал прием контраста и противопоставления. Но нет, и напряженный голос сорвется в агитационный крик, нет-нет, и остринная политическая интонация огубит и прерываться в неулыбчивый угловатый дубок. И время от времени дает себя почувствовать павет чуть-чуть приторной сентиментальности, какой-то сумбурной инфантильности. Лишь, утверждаясь революционное пламя, жизни и действия Облики классовых врагов проявляются глубже и трагичнее. Внезапная разрываемость в мир больших народных движений, Алалдин опирается на потребность, сломать многие стороны своей матери песни. Естественная тяга к народно-педагогической обороте, к фольклорной образности. На этом пути она многого достигла. Но многое можно отметить и как неудачу. Не удалось установить ясное влияние на стиль поэмы в тех местах, где Алалдин влет по линии стихизации и утрирования соответствующих строк творческой манеры Алгекара. Профессора. Больше того, иногда некоторые места отдают прямым повторением приема Так строки:

Ничего он не боялся,
С поля битым не бежал.
На гудях его широкой
Орден Ленина лежал...
непоныто заставлял вспоминать
строки Прокофьева

«Кирову» представляется нам серьезной попыткой осмыслить под влиянием факта трагической гибели тов. Кирова многие основные явления нашей действительности с точки зрения человека, которому пролетарская революция открыла путь к жизни. В этой попытке Алалдин уже более последовательно, более настойчиво вводит революцию в субстантивный мир лирического героя, как свое, кровное, без чего немиссия существование. Начало утверждения действительности в поэме окрашено в пафосные героические тона. Умело и непринужденно автор использовал прием контраста и противопоставления. Но нет, и напряженный голос сорвется в агитационный крик, нет-нет, и остринная политическая интонация огубит и прерываться в неулыбчивый угловатый дубок. И время от времени дает себя почувствовать павет чуть-чуть приторной сентиментальности, какой-то сумбурной инфантильности. Лишь, утверждаясь революционное пламя, жизни и действия Облики классовых врагов проявляются глубже и трагичнее. Внезапная разрываемость в мир больших народных движений, Алалдин опирается на потребность, сломать многие стороны своей матери песни. Естественная тяга к народно-педагогической обороте, к фольклорной образности. На этом пути она многого достигла. Но многое можно отметить и как неудачу. Не удалось установить ясное влияние на стиль поэмы в тех местах, где Алалдин влет по линии стихизации и утрирования соответствующих строк творческой манеры Алгекара. Профессора. Больше того, иногда некоторые места отдают прямым повторением приема Так строки:

Ничего он не боялся,
С поля битым не бежал.
На гудях его широкой
Орден Ленина лежал...
непоныто заставлял вспоминать
строки Прокофьева

«Кирову» представляется нам серьезной попыткой осмыслить под влиянием факта трагической гибели тов. Кирова многие основные явления нашей действительности с точки зрения человека, которому пролетарская революция открыла путь к жизни. В этой попытке Алалдин уже более последовательно, более настойчиво вводит революцию в субстантивный мир лирического героя, как свое, кровное, без чего немиссия существование. Начало утверждения действительности в поэме окрашено в пафосные героические тона. Умело и непринужденно автор использовал прием контраста и противопоставления. Но нет, и напряженный голос сорвется в агитационный крик, нет-нет, и остринная политическая интонация огубит и прерываться в неулыбчивый угловатый дубок. И время от времени дает себя почувствовать павет чуть-чуть приторной сентиментальности, какой-то сумбурной инфантильности. Лишь, утверждаясь революционное пламя, жизни и действия Облики классовых врагов проявляются глубже и трагичнее. Внезапная разрываемость в мир больших народных движений, Алалдин опирается на потребность, сломать многие стороны своей матери песни. Естественная тяга к народно-педагогической обороте, к фольклорной образности. На этом пути она многого достигла. Но многое можно отметить и как неудачу. Не удалось установить ясное влияние на стиль поэмы в тех местах, где Алалдин влет по линии стихизации и утрирования соответствующих строк творческой манеры Алгекара. Профессора. Больше того, иногда некоторые места отдают прямым повторением приема Так строки:

Ничего он не боялся,
С поля битым не бежал.
На гудях его широкой
Орден Ленина лежал...
непоныто заставлял вспоминать
строки Прокофьева

А. ТВАРДОВСКИЙ

РАССКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА

Настоящий отрывок — глава из поэмы А. Твардовского «Страна Муравия». Герой поэмы, одиночник Никита Моргунок, путешествующий в поисках «бесколхозной» страны «Муравий», сталкивается с председателем передового колхоза, коммунистом Фроловым и, видя зажиточную жизнь колхозников, спрашивает: «На сколько лет такая жизнь затянется?» Глава представляет собой развернутый ответ Фролова на вопрос Моргуна.

Вера Инбер МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

из главы «ДЕТСТВО».

В большой вересковой перепишке 80-го года прошлого столетия работали статистиками студенты, в том числе мой отец, рыжеватый юноша в Косоворотке. В это же время моя мать, заложив за уши стрижкиные волосы, училась на Высших женских курсах в Петербурге и дала уроки. Засушливым летом 80-го года отец писал матери письма на Енисейск-градского уезда, где он проводил лето. Эти письма хранятся у меня и сейчас.

Завтра в Музее изобразительных искусств открывается выставка современного искусства. На СНИМКЕ: картина Г. П. Сошина («Спарс») «Портрет матери».

СЛЕЗА С САХАРОМ

А. ЭРЛИХ

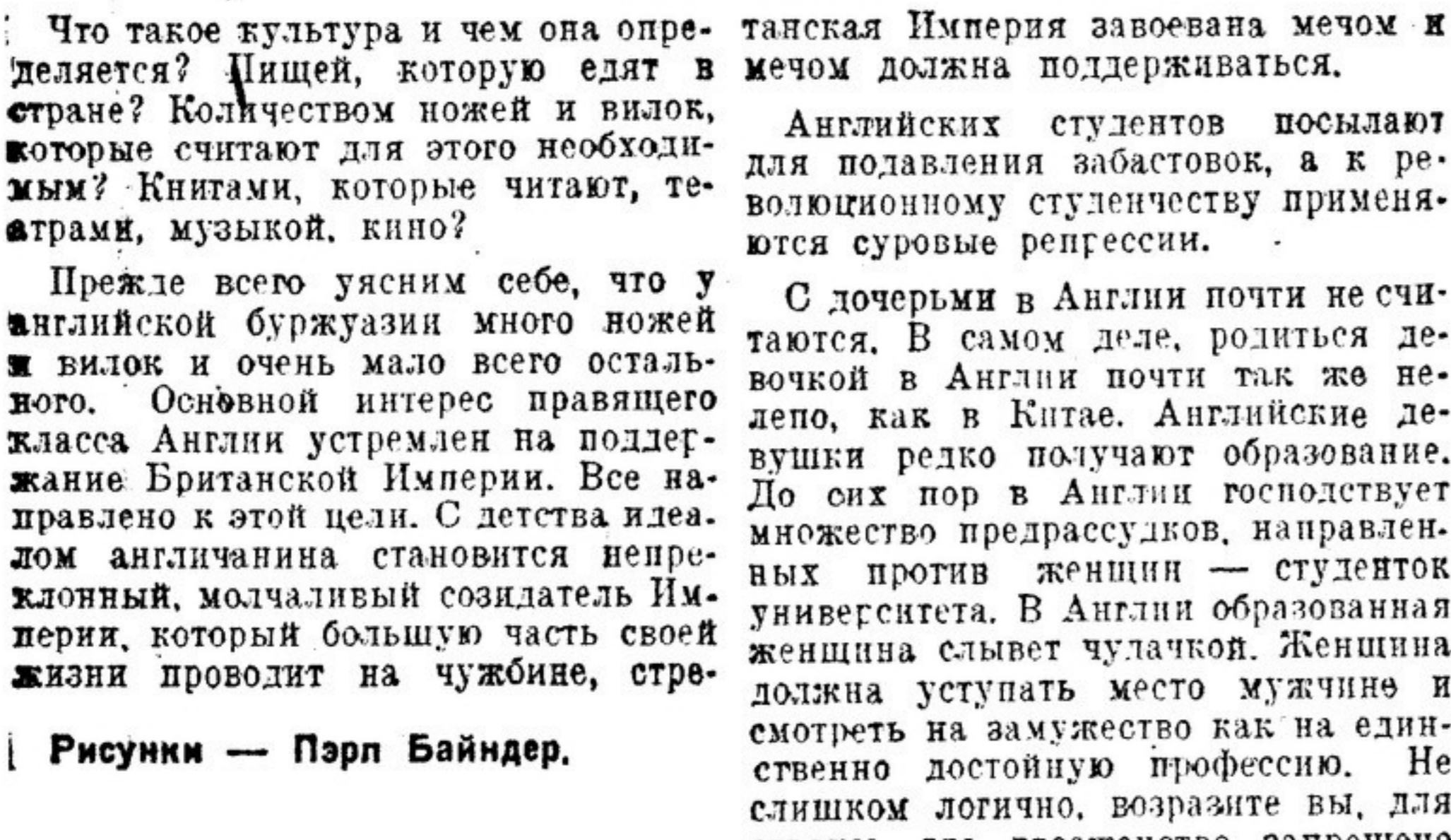
Познакомились они на катке. Девушка в белой вязаной шапочке могла и не называть себя: именитая текстильщица, она была известна своей страной. Молодой человек в синем свитере откровенно догадался: — Поток.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЙСКОГО ОБЫВАТЕЛЯ

ПЭРЛ БАЙНДЕР

Что такое культура и чем она определяется? Дичей, которую едят в стране? Количество ножей и вилок, которые считают для этого необходимыми? Книжки, которые читают, театры, музыка, кино?

Англических студентов посылают для получения забастовок, а к революционному студенчеству применяют суровые репрессии. С дочерями в Англии почти не считаются. В самом деле, родиться девочкой в Англии почти так же редкое, как в Китае. Англиские девушки редко получают образование.

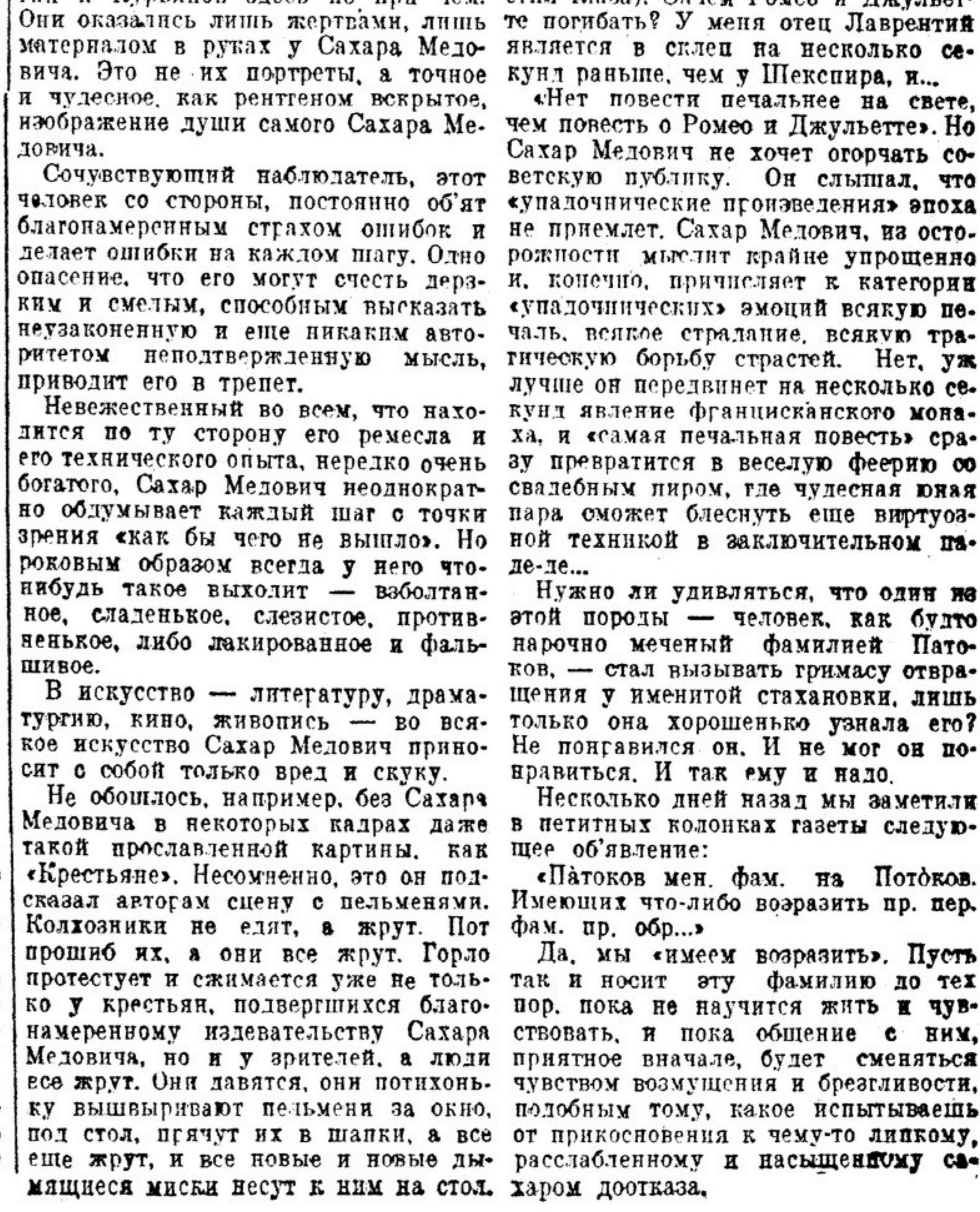
Рисунки — Пэрл Байндер.

Таким образом возникло типичное английское явление: старая дева — незамужняя женщина средних лет, из среднебуржуазной семьи, имеющая какой-нибудь небольшой доход. Таких женщин в Англии — сотни тысяч. Статные, застенчивые, неуравновешенные существа, не имеющие никакой специальности, они считают себя аристократами, живут в убогих особнячках в небольших пригородных городках, изливая потоки нежности на любимых собак и кошек — занятие, требующее времени и денег.

Англический театр, как мы уже сказали, существует, главным образом, для старшей девицы Бэйзил Лип — единственной режиссерки английской сцены — сказал в прошлом году на публицистическом диспуте. «Друзья мои, почему вы говорите, что английский театр умирает? Он умер уже много лет назад!»

Она зарабатывает в Голливуде колоссальные деньги. Жизнь ее астраханская на огромную сумму. Толпы матерей ходят смотреть на нее. Если сердце усталое бьется при мысли об их собственных дочерях, о том, что — как знать, когда-нибудь? — Мизантропическое лицо Англии может стыдливо отвернуться. Но радио ежедневно гремит джазом, а хорошие скрипки умирают от голода на улицах. В Лондоне иногда бывают и прекрасные концерты... но не публицистические концерты — частная монополия состоятельных леди, занимающих знаменитых мастеров для того, чтобы развлечь гостей в зале, после банкета (так же, как берут напрокат красный ковер, чтобы разостлать его на улице перед домом в день приема).

Рисунки — Пэрл Байндер.

ПОЛЬ БУРЖЕ

Вместо некролога

Он умер в возрасте 83 лет, начав свою литературную карьеру вместе с Анатолем Франсом, который, как-то мимоходом рассказывая о своей юности, вспоминает и о том, что Поль Бурже был «ограчен метафизическими размышлениями». С тех пор он писал шестьдесят лет без малого, аккуратно выпускал романы, изредка стихи, сборники критических статей и заметки о литературных кругах читателей, и очень скоро он занял в литературе прочное место, окончательно утвердившись как автор «социально-психологического» романа и «исчерпавший» Академии.

Этого места у него никто не спорил, потому что, несмотря на успех, главным образом, у светских читателей и в аристократических салонах, Поль Бурже по существу не вызвал особенных споров и не возбудил никаких страстей. В эпоху яростных битв, разыгрывшихся вокруг Золя и натуралистического романа, он стоял в стороне, занимаясь психологией и анализируя тенденции современности. Из них две казались ему наиболее «опасными»: торжество позитивной науки и растущая демократия. Лучший его роман «Чужик» посвящен изображению первой тенденции. Роман этот недавно переиздавался у нас и его, верно, помнят все. Это повесть о том, как экспериментальный метод изучения человеческих страстей приводит ученика профессора Сикста к преступлению. В лице Сикста выведен Тэн, чья книга «Об уме и познании» вызвала у Поля Бурже столь горестные раздумья.

Вторая тенденция, т. е. картина растущей и усиливающейся демократии, вызвала у него опасения иного рода. Он прозревал всеобщую нивелировку, утрату индивидуальности и, в силу этого, исчезновение красоты и поэзии. Нельзя сказать, чтобы эти идеи отличались особой оригинальностью, но Бурже не переставал варьировать их, следуя, таким образом, философским склонностям своего ума. Катализатором был вполне естественным завершением его опасений, он и не мог окончить иначе, никогда впрочем не впадая в те крайности, к которым пришел Гюисманс.

И все же у Поля Бурже, собственно говоря, не было противника. С ним не хотелось спорить. Этот господин, писавший на очень изысканном языке, спокойно относился к своим собственным «открытиям». Он смотрел на все растущую опасность с монономом в глазу. Волноваться или выходить из себя для него было признаком дурного тона. Он очень любил описывать психологию светской женщины, космополитического общества и в духе старых французских моралистов анализировать и расчленять человеческие страсти. Его романы скуповаты, а несколько его жеманных и в то же время академический стиль undermines своим однообразием. Лучший его роман, написанный даже с некоторой страстью, — роман его юности «Чужик». Кажется, он один вызвал довольно обширную учебную полемику. Все остальное не пережило своего времени. Уже в конце XIX в. Бурже оказался старомодным хранителем традиций и изданных мольером идей. Прекрасный эрудит и бесподобно тонкий аналитик, он в то же время не имел чего-то главного, что образует большого писателя, заставляющего слушать себя. Вероятно, про себя он знал, что ему не стоило бороться — «дух времени» был против него.

К. ЛОКС

В Париже с большим успехом выступает советская балерина Марина Семенова. На фото: «Марина Семенова», Акварель художника А. В. ФОНЗИНИНА

ДРАМАТУРГИ К 20-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

На общесоюзном собрании драматургов (26 декабря) все речь встала о проблемах, связанных с подготовкой к великой исторической дате, к 20-летию Октябрьской революции. Краткий отчет о деятельности драматургов в этом направлении, сделанный тов. Гайдаровым, дает основание думать, что секция выявляет творческие силы, одновременно проявила высокую дисциплину по выполнению всей драматургической общественности в подготовке к этой дате. Теснейший контакт устанавливается с драматургами братских республик: многими из них дается возможность посетить Москву, чтобы лучше ознакомиться с советской театральной культурой, организуются выезды бригад драматических театров на Украину, в Белоруссию, в Башкирию, Чувашию, Татарстан и т. д., создаются специальные комитеты.

Все данные свидетельствуют о том, что наша драматургическая среда прекрасно осознает ответственность за предстоящую работу. Вот почему почти единогласно отвергнуто было на собрании драматургов предложение тов. Смолина об организации конкурса на лучшие пьесы. Праны были гг. Билыт-Белогорский, Кирион и др., указавшие, что самая дата, о которой идет речь, является величайшим стимулом в творчестве, и тому, чтобы каждый драматург вкладывал в свою работу все свое творческое горение, всю силу своего дарования и знания.

КНИГИ В ГРАНКАХ

ДВУХТОМНИК Э. БАГРИЦКОГО

Два тома собрания сочинений Э. Багрицкого выпускает Гослитиздат. Другими содержат только стихи и поэмы.

«ТАЕЖНЫЕ ПОХОДЫ»

Литературно-художественный сборник воспоминаний участника гражданской войны на Дальнем Востоке — «Тажные походы» — выходит в издательстве «История гражданской войны».

ИСТОРИЯ ЭПРОНА

Редакция «История фабрик и заводов» начала работу по созданию книги «История красноварянского Эпрона».

В авторский коллектив вошли: А. Толстой, В. Вишневский, А. Новиков-Прибор, Бруно Ясенский, М. Дельман.

лучшую пьесу. Праны были гг. Билыт-Белогорский, Кирион и др., указавшие, что самая дата, о которой идет речь, является величайшим стимулом в творчестве, и тому, чтобы каждый драматург вкладывал в свою работу все свое творческое горение, всю силу своего дарования и знания.

Большую роль в организации юбилейного репертуара призваны, по общему убеждению, сыграть сами театры. Было бы преступлением с их стороны наделить на самотек. Они, подчеркивает тов. П. Юбилей, обязаны уже теперь установить связь с драматургами, заключить с ними договоры не только материального, но и морального порядка, т. е. проводить с ними всестороннюю работу, помогать им, быть в курсе всех фаз работы над пьесой.

Собранию московских драматургов не ограничилось общими постановками вопросов. Тут же были сделаны и вполне конкретные творческие задания. Собрание о пьесах, над которыми они работают, сделали драматурги Абригенов, Чикин, Левинко, Персиков, Н. Болданов, Амагробели, Ярочная, Городецкая и др.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ МАЯКОВСКИЙ

Гослитиздат сдал в производство книгу, восьмой и одиннадцатый томы академического собрания сочинений Вл. Маяковского. В 1917—24 гг. в книгу включено 24 произведения, не вошедшие в первое собрание сочинений поэта. Одно стихотворение опубликовывается впервые.

ПЕРЕД ПЛЕНУМОМ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Декабрь перед пленумом пройдет в Ленинграде под знаком широкой поэтической дискуссии. Основные доклады посвящены лирике, проблеме реализма в советской поэзии, творчеству молодых поэтов. Докладчики Гринберг, Муштакова, Козарский, Лукин, Рождественский; кроме того, по отдельным вопросам выступят Брайн, Заболоцкий, Корнилов, Маршак, Полонская, Прокофьев, Решетов, Салозьев, Синов, Тихонов, Фроман, Корней Чуковский, Лев Левин, Стенин и другие. Дискуссионные собрания будут проходить в Доме писателя имени Маяковского.

КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ЧАСТУШКИ

Государственный литературный музей выпускает сборник красноармейских частушек, собранных сотрудниками музея в Московской, Калининской и других областях.

КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ЧАСТУШКИ

Сборник составил В. Сидельников и Я. Тарнопольский.

КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ЧАСТУШКИ

Редакция — проф. Ю. М. Соколов, Предисловие В. Д. Бонч-Бруевича.

АРХИВ МАЯКОВСКОГО

Среди богатейших архивов Литературного музея одно из значительных мест занимает бывший «бюро» Вл. Маяковского. Материалы эти были собраны самим поэтом в 1930 г. для выставки «20 лет работы».

За пять лет коллекция документов больше чем удвоилась. Основной ценностью ее являются 35 рукописей. Среди них особенно значительны: записная книжка Маяковского со стихами начала 1928 г. («Раскалка» поэта Ивана Ковалова и вестники к поэме «Кипарис»), «Кипарисбург» (Свердловск) и др., стихотворный очерк, вошедший во второе издание «Кипарис», «Бани» с многочисленными вставками и вырвотками.

Многие документы, рукописи, письма к поэту — рукописные и приватные.

Вот письмо Канского (Енисейского) УЛПО с выражением сочувствия поэту по поводу статьи Сосновского «Ювально маяковщины»; вот приветствие 1000 слушателей габарка МВТУ; вот справка дала Маяковскому в Азовку 20/XI—25 г. в том, что «собрание сочинений поэта литературно-художественный отдел Госпланта к изданию не принимает».

Чрезвычайно обширна коллекция материалов к работе Маяковского в кино. Здесь имеется 8 кинокадров с рукописными поправками, кинолакапы работы поэта, ленты картины «Барышня и хулиган», полное собрание рецензий на картины Маяковского и т. д.

Критик-исследователь творчества поэта найдет в Литературном музее исключительно по своей полноте материалы о Маяковском-агитаторе: почти полное собрание его Рост, рукописи дозвонен на профсоюзные, производственные, санитарные и другие темы.

Тут же хранится знаменитая картонка парковой озонки с описанием всех высших предметов Маяковского.

Горючего музея является библиотека книг Маяковского. В ней собраны все издания поэта.

ВЕЧЕР Н. ОСТРОВСКОГО

Правление клуба 1 МГУ организовало 25 декабря литературный вечер, посвященный обсуждению книги Н. Островского «Как закалялась сталь». После выступительного слова открывающего вечера т. В. П. Ставского с докладом о творчестве писателя выступила редактор книги «Как закалялась сталь» т. И. А. Горина.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

ВЕЧЕР ЧИКОВАНИ

25 декабря в ДСП состоялся творческий вечер Симоны Чиковани.

Выступительное слово сказал поэт Н. Асеев.

В развернутом и интересном докладе т. Мирский дал исчерпывающий анализ творческого пути Чиковани.

Вопрос Чиковани превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

ВЕЧЕР ЧИКОВАНИ

25 декабря в ДСП состоялся творческий вечер Симоны Чиковани. Выступительное слово сказал поэт Н. Асеев.

В развернутом и интересном докладе т. Мирский дал исчерпывающий анализ творческого пути Чиковани.

Вопрос Чиковани превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПУШКИНА

ОЛИМПИАДА ЧТЕЦОВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Ленинградский радиокомитет начал работу по подготовке к столетию со дня смерти Пушкина. В 1936 году проводится 100-летие со дня рождения великого поэта, и к этому юбилею подготовлены литературно-драматические вечера. — Школа пушкинских читателей. — Сообщил нашему корреспонденту аса. арт. Ю. Н. Калганов (директор Лит-драматического Ленинградского Радиокомитета), — начнется с Пушкинской олимпиады чтецов, и которой примет участие лучшие мастера художественного чтения Москвы и Ленинграда.

ИЗДАНИЯ МУЗГИЗА

В редакции Музгиза на 1936 г. большое место уделено изданиям, посвященным столетию со дня смерти Пушкина.

Предназначается выпустить книги: Яковлева «Пушкин и музыка», Эггерта «Музыка в жизни и творчестве Пушкина», Браудо «Моцарт и Сальери», сборник вокальных произведений советских композиторов на пушкинские тексты, сборник романсов на тексты Пушкина, написанных при жизни поэта, и ряд отдельных вокальных произведений на слова Пушкина: М. Ковалев, В. Шебалин, Ю. Шапорина, М. Юрландского, Касьянова, М. Старокадомского и др.

«СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ»

Дискуссия на тему «Спорные вопросы пушкиноведения», организованная бюро секции критиков, перенесена по существу в трехдневную конференцию (29—30 декабря).

После выступительного слова тов. И. Беспалова с докладом выступили т. А. Сельвановский, дивизиар художественного музея В. Багаго, И. Витковский, Д. Мирский и ряд других советских критиков и пушкинствоведов.

В обсуждении приняли участие гг. Д. Мирский, Ю. Османов, Д. Балот, В. Береснев, М. Павловский, И. Сергеевич, Я. Чернин, Д. Гроссман, А. Невинский, Свирид, Томашевский, В. Шкловский и др.

Подробный отчет о конференции будет дан в следующем номере.

ВЕЧЕР Н. ОСТРОВСКОГО

Правление клуба 1 МГУ организовало 25 декабря литературный вечер, посвященный обсуждению книги Н. Островского «Как закалялась сталь». После выступительного слова открывающего вечера т. В. П. Ставского с докладом о творчестве писателя выступила редактор книги «Как закалялась сталь» т. И. А. Горина.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

ВЕЧЕР ЧИКОВАНИ

25 декабря в ДСП состоялся творческий вечер Симоны Чиковани. Выступительное слово сказал поэт Н. Асеев.

В развернутом и интересном докладе т. Мирский дал исчерпывающий анализ творческого пути Чиковани.

Вопрос Чиковани превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

Дал университетского клуба был составлен с квартирной писателя, и т. Островский по радио сыгнал выступления и горячо приветствия собравшихся.

Вечер обсуждения книги превратился в вечер чтения писателя. С горячей, искренней речью выступил аса. арт. республики И. Я. Суздаков. Он встретил с Островским рассказы В. Нибер и чаев реколлекции журнала «Молодая гвардия» Г. Н. Книш. Иосиф Уткин прочел свои стихи.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЩЕДРИНА

Редакция полного собрания сочинений Н. Щедрина наметила выпустить в 1936 году следующие пять томов произведений великого сатирика: том 14-й «За рубежом», том 10-й «Сквозь туманы», том 13-й «Обещание Монро», том 15-й «Сказки П. Щедрина» и том 16-й «Сказки».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор! С большим интересом и вниманием я слежу за дискуссией, развернувшейся в «Литературной газете» по вопросу о переводе Шекспира. Отнюдь не желая предвзятых окончательных выводов, к которым эта дискуссия должна прийти, я просила бы вашего разрешения вставить в развернувшийся спор эту мою краткую реплику.

Мне очень естественно и приятно принять основные положения статьи Д. Мирского и его высшему оценку моего перевода Шекспира, а также и его более чем правительское соотношение, что их не следует подвизать канонизации (статья замечу, что никто и никогда меня не канонизировал и даже никто выше не рассуждал мою работу, тем то делает в статье в № 71 «Литературная газета» сам Д. П. Мирский). Но дело здесь не в оценке, а в тех двух знаменитых строчках, в толковании которых, как в микрокосме, отражается все понимание трагедии «Отелло»:

«She lov'd me for the dangers I had pass'd; And I lov'd her that she did pity them».

Разумеется, техника перевода с законченного английского на прекрасный русский язык не дает возможности делать стихотворный подстрочник, который будет фотографически точно передавать подлинник. Поэтому совершенно очевидно, что подстрочник прозаический перевод Д. Мирского «она меня любила за опасности, которую я подвергалась, а я ее любил потому, что она им сострадала», заключающий в себе 39 слогов, не может быть выписан в два десятилетия: одиннадцатисложные пятистопные ямба. Но беда даже не

в этом, а в том, что и буквальный прозаический перевод Д. Мирского дает весьма искаженное и по существу вовсе не истинное толкование шекспировского текста. Глагол «to go over», синоним «to go across», «to go over», значит «пройти», «перейти», «перейти через что-либо»... опасно-сти. Можно конечно переписать и «подтвердиться опасностям», но я считаю, что прямое значение «to pass» — «пройти» более в образе мужественного и сильного человека, «Отелло», более в контексте всего его облика, чем страдальческое значение — «подвергнуться».

Если два партия, разговаривая друг с другом, сообщают — один: «Вчера я прошел пешком», а другой: «Вчера меня чистили» или «я подвергся чистке», то мы сразу ощущаем разность характеров обоих собеседников, хотя формально они говорят одно и то же.

Исходя из буквального значения глагола «to pass» из контекста и коннотации «Отелло» в целом, как он лад на протяжении всей трагедии, я имел полнейшее право и объявляю понимать эту фразу дословно следующим образом: «Она любила меня за опасности, которые, или даже через которые я прошел», т. е. почитать это как активность и действие (подвиги, бравады, труд), а не как пассивность и состояние (муки, пытки).

Вот почему я не вижу основания выбирать более отдаленное значение глагола «to pass» вместо более того и прямого только для того, чтобы оправдать прозаические переводы Шекспира «муки», которые я прежде считал ложью об энергичном бою, отважном сыне своего времени, наемном генерале венесийской республики, — «Отелло».

Анна РАДЛОВА

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-67 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Подписная цена на «Литературную газету» 72 №№ в год—21 руб. 60 коп. 6 мес.—10 руб. 80 коп. 3 мес.—5 руб. 40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ» ПРИСТУПАЕТ В 1936 ГОДУ К ИЗДАНИЮ СЕРИИ ПОД ОБЩИМ НАЗВАНИЕМ

ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Под редакцией М. Горького, И. Луппова, И. Минца, А. Н. Тихонова, Ал. Толстого, Г. Франца.

В серии «Исторических романов» будут лучшие произведения мировой художественной литературы, рисующие наиболее яркие исторические моменты из жизни различных общественных классов на всем протяжении истории человечества, начиная от времен первобытного общества и кончая XIX веком.

Каждый из выпусков серии «Исторических романов» будет заново отрецензирован и снабжен соответствующим историческим введением, обширными комментариями, а также иллюстрациями.

Серия «Исторических романов» восполнит недостатки исторического самобразования и в то же время будет служить замечательным учебным пособием курсу истории в средних и высших школах.

В 1936 году выйдут следующие произведения:

- 1. И. Енгельс — Ледник. 2. Р. Джонасон — Оспарг. 3. Д. Фейхтвагер — Иудейская война. 4. Ч. Кингсли — Италия. 5. Л. Фейхтвагер — Вирей Зюсс. 6. А. де-Вильи — Сен-Барто. 7. Ш. Костер — Тиль Уленшпигель. 8. Э. Ларетта — Слава до Рамира. 9. Ю. Готье — Завоевание Индии. 10. Джаванхшири-Арсен из Марабанди. 11. И. Лактевичев — Ледяной дом. 12. А. Чампыги — Степан Разин.

Подписная цена: 12 мес. — 27 руб., 6 мес. — 13 р. 50 к., 3 мес. — 6 р. 75 к. Подписка направляется почтовым переводом: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобъединение, или слатьте ястребкам в уполномоченных Жургаза на местах. Подписка принимается посылками почтой в отделениях Союзпочты. ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ.

К сведению читателей журнала-газеты

«За Рубежом»

Ввиду снижения себестоимости издательство считает возможным снизить розничную цену отдельного номера журнала с 1-го января 1936 года с одного рубля 75 коп.

Подписная цена также снижена — вместо 30 руб. подписка на год стоит 24 рубля. Первый номер за 1936 год выйдет 3-го января. Третьею по всем kiosкам Союзпочты. ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ.